

С. Х. Мафедзев. Очерки трудового воспитания адыгов. XIX — начало XX в. Нальчик: Эльбрус, 1984, 170 с.

Давно назревшие и пользующиеся большим вниманием проблемы реформы школьного образования сегодня ставят перед этнографами с особой остротой задачу более полного освещения опыта народного воспитания. К сожалению, специальные исследования этого направления весьма немногочисленны, а по этнографии адыгов, насколько нам известно, их еще не было вообще. Книга известного кабардинского этнографа С. Х. Мафедзева, вышедшая недавно в издательстве «Эльбрус», восполняет этот пробел.

Автор подробно рассматривает принципы и методы, конкретные приемы и средства трудового воспитания адыгов. Хронологически работа охватывает преимущественно период XIX — начала XX века, хотя и не ограничивается им, состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе речь идет об общих принципах и установках трудового воспитания адыгов, во второй — о роли народных игр в этом процессе и, наконец, третья глава посвящена специфике трудового воспитания в различных отраслях хозяйственной деятельности. В основу работы положены материалы архивов, многочисленные литературные источники, обширный полевой материал.

Подходя к вопросу воспитания с марксистских исторических позиций, С. Х. Мафедзев с самого начала подразделяет систему трудового воспитания на две subsystemы: воспитание в среде крестьянства и воспитание в среде феодальной знати. Согласно исторически сложившейся традиции, адыгские князья и дворяне считали недостойным заниматься производительным трудом, соответственно детям своим внушали презрение к деятельности земледельца, скотовода, ремесленника. Даже торговля, за исключением, пожалуй, торговли рабами из числа пленников, считалась делом постыдным, недостойным звания князя или дворянина. Русский офицер Ф. Ф. Торнау, хорошо знавший быт адыгов, в связи с этим писал: «Черкесский дворянин проводит жизнь на лошади в воровских набегах, в делах с неприятелем или разъездах по гостям. Дома у себя он проводит весь день лежа в кунацкой, открытой для каждого прохожего, чистит оружие, поправляет конскую сбрую, а чаще всего ничего не делает»¹. Впрочем, знать порой тоже не гнушалась «черной» работы, но лишь в тех случаях, когда это касалось сохранения отбитых у неприятеля табунов и стад. Навыки скотоводческого труда прививались даже самым знатным феодалам. Но лишь в этом, как мы понимаем, следуя точке зрения автора книги, и заключалось трудовое воспитание молодых представителей княжеско-дворянского сословия (с. 7).

Основное содержание исследования С. Х. Мафедзева посвящено подлинно народному опыту воспитания — трудовому воспитанию в среде широких масс свободного и зависимого крестьянства. Изучение данной проблемы — одно из главных достоинств этой небольшой по объему, но, бесспорно, очень интересной и весьма полезной книги.

Исследователь оперирует массой этнографического материала, прямо или косвенно связанного с тематикой работы. Вырисовывается целостная картина традиционной системы трудового воспитания адыгов. Какова же структура этой системы, каковы ее характерные черты?

Первое, что нужно отметить, — это совмещение рациональных и иррациональных (магических) средств и приемов. Роль последних в системе трудового воспитания адыгов была довольно велика, что в условиях феодального быта было вполне естественным. Неудивительно, что С. Х. Мафедзев отводит им в книге так много места, хотя порой и создается впечатление, что книга несколько перенасыщена фактами и отношениями этого типа. Перед читателем открывается целая галерея магических сюжетов. Чтобы мальчик стал отважным и сильным, ему еще в колыбели давали подержать кинжал, девочке в тех же целях вручались ножницы. Колыбель обязательно делали из боярышника. Считалось, что таким образом «обеспечивалось» счастье и здоровье ребенка. Существовала целая серия приемов предохранения ребенка от дурного глаза. Исполнялись различного рода обряды, действующие в тех же направлениях: «укладывание ребенка в люльку», «показ воспитанника» и др.

Нужно обратить внимание на одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство. Большая часть подобных магических по своей природе действий была приурочена к начальному этапу жизни воспитуемого, что объясняется высокой смертностью детей, беспомощностью родителей перед лицом этой беды. В прошлом почти в каждой горской семье умирало несколько детей, познания родителей в области медицины были мизерны, врачей не было вообще.

Вторая и третья главы книги посвящены рациональным методам трудового воспитания, часть из которых не утратила актуальности по сей день. Во второй главе речь идет о традиционных формах игровой деятельности, прямо или косвенно служащей целям трудового воспитания.

С. Х. Мафедзев давно известен среди кавказоведов-этнографов как специалист, посвятивший себя народным играм, автор целого ряда работ по этой проблематике². В настоящем исследовании он сделал акцент на воспитательную роль народных игр,

¹ Т. [Торнау Ф. Ф.]. Воспоминания кавказского офицера. — Русский вестник, СПб., 1864, № 11, с. 60.

² См., напр.: Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979, 203 с.

показал их роль в развитии необходимых в труде ловкости, сноровки, физической силы, внимания, сообразительности и т. д. Подробно рассматриваются в связи с этим игры-забавы, сюжетные игры, игры-импровизации. Весьма поучительны игры-подражания, то есть игры, моделирующие деятельность взрослых в различных жизненных ситуациях: «дом-дом», «гость-гость», «дорогой урожай» и др. Подобные игры при надлежащем оформлении в соответствии с требованиями современной педагогики могли бы обогатить репертуар современных детских игр, сыграли бы важную роль в трудовом, нравственном и умственном воспитании новых поколений.

Рациональны также в своей основе многочисленные народные приметы и фенологические наблюдения, непосредственно связанные с оптимизацией труда земледельцев, скотоводов, ремесленников. Эти сведения сосредоточены, главным образом, в третьей главе, в которой рассматривается трудовое воспитание в различных сферах хозяйства.

С. Х. Мафедзев — первый специалист-этнограф, подробно осветивший особенности народного календаря адыгов, его связь с практической деятельностью хлебороба, животновода, промысловика. Многие названия месяцев, как правильно отмечает ученый, были непосредственным выражением этой связи, например: *Iуэгуэ мазэ* — месяц молотбы (октябрь), *мэклушэжыгуэ мазэ* — месяц сбора сена с полей (ноябрь). Чрезвычайно интересен и разнообразен опыт предсказания погоды: по наблюдаемости звезд, по направлению и силе ветра, по характеру и расположению облаков, по шуму реки и т. д. Можно не сомневаться, что многие подобные знания были бы небесполезны даже для современных специалистов сельского хозяйства. Хорошо известно, как много мы теряем, утрачивая по крупницам накопленный предыдущими поколениями опыт хозяйствования, опыт бережливого, заботливого отношения к земле, к природе, к домашним и диким животным. Работа С. Х. Мафедзева имеет прямое отношение к решению этих важных современных проблем.

Весьма актуальны и поучительны данные, характеризующие традиции обучения детей домашним промыслам. Кроме всего прочего — это материал, необходимый для возрождения народного творчества, а значит и улучшения качества изделий, выпускаемых местной промышленностью. Возрождение народного искусства — дело весьма сложное и многогранное. И начинать его нужно с серьезного, вдумчивого этнографического и искусствоведческого анализа. Образцы такого анализа можно найти в книге С. Х. Мафедзева.

Трудовое воспитание, как нам представляется, необходимо рассматривать как определенную, очень широкую сферу человеческой деятельности, с социально заданным распределением ролей. Поэтому нужно приветствовать, что С. Х. Мафедзев воспроизводит всевозможные педагогические ситуации, в которых реализуется народный опыт трудового воспитания, исследует роль и место в этих ситуациях старших и младших, мужчин и женщин, мальчиков и девочек и т. д. Определенное внимание уделяется личности воспитателя и воспитуемого, стратегии и тактике их поведения. На наш взгляд, это существенный аспект системы воспитания в целом. В самом деле, от распределения ролей в педагогической ситуации во многом зависит как содержание, так и форма воспитывающего влияния. С. Х. Мафедзев вплотную приближается к этим вопросам. Например, отмечается важная роль лидеров игры в педагогическом воздействии на других членов совместного действия (с. 75).

Вообще же компоненты системы воспитания, непосредственно связанные с ее психологической динамикой, можно было бы представить полнее и детальнее. Специальный анализ в связи с этим системы трансляции и актуализации народного опыта воспитания мог бы составить особый раздел. Обычно этническая специфика наиболее ярко обнаруживается только на этих уровнях анализа, то есть на уровнях конкретной реализации в принципе единых для всех народов установок трудового воспитания.

Желательно было бы четче разграничить рациональные и иррациональные методы воспитания, позитивные и негативные с точки зрения перспектив развития социалистического общества.

Несомненно, нерешенных в этнопедагогике проблем остается еще немало. Ценность книги С. Х. Мафедзева как раз в том и состоит, что в ней в явной или неявной форме эти проблемы ставятся, ставятся и решаются и, как было отмечено — впервые, важные теоретические и практические вопросы этнопедагогики адыгских народов. Нет сомнения в том, что для многих этнографов, педагогов она явится подспорьем в их научной и практической деятельности, стимулом для дальнейших поисков в этом направлении.

Всякий подобный труд нужно оценивать прежде всего с точки зрения того, что и как в нем сделано, и лишь во вторую очередь с точки зрения упущений, недоработок, необходимых дополнений и уточнений. Это конструктивный подход к делу, без которого невозможно развитие науки и практики.

Руководствуясь им, нельзя не признать, что исследование С. Х. Мафедзева является ценным вкладом в этнографию адыгских народов, в решение актуальных задач трудового воспитания подрастающего поколения. Остается только пожелать ученому новых успехов в этом благородном деле.

С. А. Арутюнов, Б. Х. Бгажноков